

Ф. М. Достоевский

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ

ТОМ II

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФ](#)

МИО

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	5
Книга седьмая. Алеша	7
Книга восьмая. Митя	63
Книга девятая. Предварительное следствие	183
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.	281
Книга десятая. Мальчики.	283
Книга одиннадцатая. Брат Иван Федорович	355
Книга двенадцатая. Судебная ошибка	493
Эпилог.	641

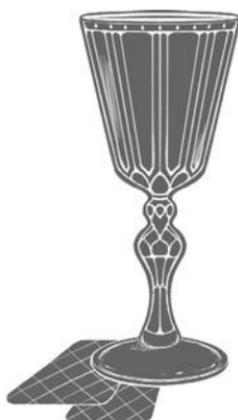

[Почитать описание, отзывы и купить на сайте МИФа](#)

Ф. М. Достоевский

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ

ТОМ II

Москва
МИФ
2025

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

[Почитать описание, отзывы и купить на сайте МИФа](#)

КНИГА СЕДЬМАЯ

Алеша

I

Тлетворный дух

Тело усопшего иеросхимонаха отца Зосимы приготовили к погребению по установленному чину. Умерших монахов и схимников, как известно, не омывают. «Егда кто от монахов ко Господу отыдет (сказано в большом требнике), то учиненный монах (то есть для сего назначенный) отирает тело его теплою водой, творя прежде губою (то есть греческою губкой) крест на челе скончавшегося, на персах, на руках и на ногах и на коленях, вящше же ничто же». Все это и исполнил над усопшим сам отец Паисий. После отирания одел его в монашеское одеяние и обвил мантиею; для чего, по правилу, несколько разрезал ее, чтоб обвить крестообразно. На голову надел ему куколь с осьмиконечным крестом. Куколь оставлен был открытым, лик же усопшего закрыли черным воздухом. В руки ему положили икону Спасителя. В таком виде к утру переложили его во гроб (уже прежде давно заготовленный). Гроб же вознамерились оставить в келье (в первой большой комнате, в той самой, в которой покойный старец принимал братию и мирских) на весь день. Так как усопший по чину был иеросхимонах, то над ним следовало иеромонахам же

и иеродиаконам читать не Псалтирь, а Евангелие. Начал чтение, сейчас после панихиды, отец Иосиф; отец же Паисий, сам пожелавший читать потом весь день и всю ночь, пока еще был очень занят и озабочен, вместе с отцом настоятелем скита, ибо вдруг стало обнаруживаться, и чем далее, тем более, и в монастырской братии, и в прибывавших из монастырских гостиниц и из города толпами мирских нечто необычайное, какое-то неслыханное и «неподобающее» даже волнение и нетерпеливое ожидание. И настоятель, и отец Паисий прилагали все старания по возможности успокоить столь суетливо волнующихся. Когда уже достаточно ободняло, то из города начали прибывать некоторые даже такие, кои захватили с собою больных своих, особенно детей, — точно ждали для сего нарочно сей минуты, видимо уповая на немедленную силу исцеления, какая, по вере их, не могла замедлить обнаружиться. И вот тут только обнаружилось, до какой степени все у нас приобькли считать усопшего старца еще при жизни его за несомненного и великого святого. И между прибывающими были далеко не из одного лишь простонародья. Это великое ожидание верующих, столь поспешно и обнаженно выказываемое и даже с нетерпением и чуть не с требованием, казалось отцу Паисию несомненным соблазном, и хотя еще и задолго им предчувствованным, но на самом деле превысившим его ожидания. Встречаясь со взволнованными из иноков, отец Паисий стал даже выговаривать им: «Такое и столь немедленное ожидание чего-то великого, — говорил он, — есть легкомыслие, возможное лишь между светскими, нам же неподобающее». Но его мало слушали, и отец Паисий с беспокойством замечал это, несмотря на то, что даже и сам (если уж все вспоминать правдиво), хотя и возмущался слишком нетерпеливыми ожиданиями и находил

в них легкомыслие и суету, но потаенно, про себя, в глубине души своей, ждал почти того же, чего и сии взволнованные, в чем сам себе не мог не сознаться. Тем не менее ему особенно неприятны были иные встречи, возбуждавшие в нем, по некоему предчувствию, большие сомнения. В теснившейся в келье усопшего толпе заметил он с отвращением душевным (за которое сам себя тут же и попрекнул) присутствие, например, Ракитина, или далекого гостя — обдорского инока, все еще пребывавшего в монастыре, и обоих их отец Паисий вдруг почему-то счел подозрительными — хотя и не их одних можно было заметить в этом же смысле. Инок обдорский изо всех волновавшихся выдавался наиболее суетящимся; заметить его можно было всюду, во всех местах: везде он расспрашивал, везде прислушивался, везде шептался с каким-то особенным таинственным видом. Выражение же лица имел самое нетерпеливое и как бы уже раздраженное тем, что ожидаемое столь долго не совершается. А что до Ракитина, то тот, как оказалось потом, очутился столь рано в ските по особливому поручению госпожи Хохлаковой. Сия добрая, но бесхарактерная женщина, которая сама не могла быть допущена в скит, чуть лишь проснулась и узнала о представившемся, вдруг прониклась столь стремительным любопытством, что немедленно отрядила вместо себя в скит Ракитина, с тем чтобы тот все наблюдал и немедленно доносил ей письменно, примерно в каждые полчаса, *о всем, что произойдет*. Ракитина же считала она за самого благочестивого и верующего молодого человека — до того он умел со всеми обойтись и каждому представиться сообразно с желанием того, если только усматривал в сем малейшую для себя выгоду. День был ясный и светлый, и из прибывших богомольцев многие толпились около скитских могил, наиболее скученных

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

